

ЕВРОПЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОДЕНСТВИЯ И ОЖИДАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Пал Тамаш,

*доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии Венгерской академии наук*

В конце 80-х годов XX ст., во время коллапса государственного социализма, особую роль в оценке настоящей и будущей позиций и политических концепций, связанных с ролью государства, играла интеллектуальная дискуссия в Восточной Европе. С точки зрения реформаторов, в этот период государство рассматривалось как система несовершенная, если не антагонистическая — даже в самых нейтральных интерпретациях позиция реформаторов считалась неконструктивной. Этот, по существу, негативный подход реформаторов привел к ситуации, в которой недостаточно анализировались функции государства «позднего социализма». Иными словами, не было сбалансированного изучения исторической роли государства в Восточной Европе; более того, не проводилось никакого исследования специфических черт отдельных видов деятельности государства. Исследование их природы и основных свойств повсеместно замещалось чем-либо другим.

Одним из следствий такой ситуации стало огромное недопонимание сущности и роли государства. Это можно увидеть в политических концепциях относительно «отступления государства», или социальной десэтактизации (разгосударствления). Идеи о роли государства в экономике (особенно применительно к приватизации) подтверждают подобный подход. Трудно также найти продуманные высказывания относительно общества в целом. Результатом всего этого стало то, что активные взаимоотношения государства и рынка, принятые в индустриальном обществе, в Восточной Европе смогли с трудом проявиться только на теоретическом уровне. Более того, размытая оценка государственного потенциала и ее запаздывание привели к ряду явно неверных представлений о воображаемых социально-политических преимуществах рынка.

В отношении социалистического государства в последнее десятилетие его существования общее мнение «правлящей» интеллектуальной элиты (в особенности «реформаторов»-интеллектуалов) сложилось следующим образом:

1) государство позднего социализма явилось прямым потомком сталинского тоталитарного государства, и хотя стало мягче, однако включало в себя все функциональные элементы тоталитарной модели;

2) это государство было необычайно сильным, а именно: подавляющий, чрезмерный по отношению к обществу государственный аппарат; связанный с ним контроль партии и разрушенные государством возможности для самоорганизации; неограниченное правовое поле, касающееся власти аппарата;

3) широко известно то, что главным для социалистического государства было обеспечение радикального перераспределения благ, пользующихся наибольшим спросом, среди различных социальных групп. Перераспределение и логика рыска — в любом случае — противоречат друг другу. Тем не менее совершенная система перераспределения может сосуществовать с рынком и самоорганизованными группами в рамках развивающегося индустриального общества; более того, подобная система, кажется, способна функционировать. Отдельные варианты такого подхода, основанные на работе Ивана Селени (Ivan Szelenyi) или, по крайней мере, использующие специфическую терминологию этой работы, оказали значительное влияние на общественные науки Венгрии в 80-х годах, причем не только на науки, но и на широкое общественное мнение интеллигенции, в среде которой были популярны новые направления;

4) сильное государство и государственный социализм возникли в регионе одновременно. Более ранние варианты амбициозной государственной организации и бюрократии в Восточной Европе предметом изучения для

* Перевод с английского Д.И.Грабовской.

политической социологии практически не являлись, а если и являлись, то только очень избирательно.

Западная «советология» занималась государственным устройством России времен Романовых довольно всесторонним и тщательным образом; она также анализировала отличительные черты советского государства. Однако другие сильные государства региона (например, те, что были построены на базе габсбургской или прусской моделей) не были должным образом исследованы социологией (а по ряду аспектов не проводилось никакого исследования вообще). Подобные исследования могли бы помочь проиллюстрировать органичные элементы прежних систем, существовавших в венгерском, чешском и восточногерманском социалистических государствах. Именно из-за отсутствия преемственности с ними социалистическое государство так значительно отличается от моделей предыдущего периода в части характера государства и обстоятельств его возникновения. И наше исследование показало, что трудно подняться над традиционным подходом к глубинным компонентам, стоящим за методами государственного управления, и в постсоциалистический период эта проблема еще больше обострилась.

Обрисовка контура государства стала первоочередной целью реформ. Общее рыночное направление развития экономики, как и демонтаж прямого присутствия государства в политической организации и контроле, стали важнейшими элементами краткосрочной программы переходного периода. Острая критика, направленная против государства в этих областях, привела к ослаблению других функций государства; в результате дальнейшие исследования связанных с ними вопросов были сильно затруднены (хотя и временно). Поэтому, кто бы ни говорил в этот период о какой-либо другой формулировке роли государства или о возобновлении его функций, в глазах общественности он выглядел мягким и компромиссным в попытках победить монстра (т.е. государство). Это было обусловлено общей атмосферой, тем, что концепции, связанные с рестройкой государственного административного аппарата (и его идеологических элементов), появились слишком поздно, а также было сопряжено с другими трудностями. Не-

легко было вести необходимую дискуссию о социальных сложностях, которые являлись частью самой социальной политики.

Лишь очень немногие открыто среагировали на «отсталость» общественного мнения и запаздывание профессиональных дебатов в этой области. Однако постсоциалистическая политическая элита стала в 90-е годы сильнее, и параллельно влияние общественного мнения по таким вопросам заметно уменьшилось. Политический класс (и хотя существуют различные взгляды внутри партий, здесь они рассматриваются только как вторичные) принял внешне просвещенный вид и попробовал оказать влияние на «рынок мнений» (фактически, временно пытался ограничить его). Свое участие в продолжающейся дискуссии о роли государства политическая элита начала с представления долгосрочных соображений на макроуровне; таким образом (и независимо от ее собственных формулировок), она автоматически все еще «тянула на себя одеяло» краткосрочных и местных инициатив. Другие мнения, конфронтующие с более «широкими» и «отдаленными» взглядами, были с самого начала переходного периода объявлены неправильными. Вследствие этого природа дебатов (вместе со «вторичными» различиями в политических партиях) во многом определялась первоначальными структурными несоответствиями между двумя точками зрения (т.е. между политической элитой и теми, кто ищет ответы на коренные вопросы).

В данном исследовании мы попытаемся найти ответы на следующие вопросы:

а) Какое воздействие оказало усиление высказываний против государства всеобщего благоденствия на общественное мнение за последние три года в Восточной Европе? Насколько объективно, по общественному мнению, эта дискуссия отражает преобладающие взгляды среди различных культурных групп, политической элиты и средств массовой информации? Насколько сильно или, скорее, какова природа неприятия государства всеобщего благоденствия восточноевропейскими обществами? Где и кто все еще продолжает настаивать на необходимости государства всеобщего благоденствия?

б) Какую связь усматривают жители стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) меж-

ду экономической и социальной модернизации и той ролью, которую принимает на себя государство всеобщего благоденствия? Насколько оправданными (или ошибочными) являются те гипотезы, которые появляются в политической прессе и в которых высказывается предположение, что государство всеобщего благоденствия в первую очередь предназначено для бедных, экономически неконкурентоспособных и, в целом, тех слоев общества, которые, в определенном смысле, наименее продвинуты? Иными словами, можно ли сказать, что главными оппонентами государства всеобщего благоденствия являются в основном продвинутые группы общества?

в) В каком плане роль государства связана с социальной сферой в глазах современного общества (в особенности с учетом различия взглядов сторонников «правых» и «левых» политических направлений)? В частности, интересной здесь является информация о природе возможного и желательного общественного контроля – с учетом современного мышления – и его связи с определением роли государства.

г) Насколько единой и насколько широкой является в общественном мнении группа, способная дискутировать (хотя бы даже чисто символически) о государстве? И в какой мере она может различать разные функции государства? В «антигосударственной» дискуссии в 80-х годах государство-«монстр» рассматривалось как имеющее по меньшей мере четыре функции, которые в обширном круге его полномочий могут расцениваться как основные:

- государство как идеологическая единица;
- государство как гарант общественного порядка;
- государство как собственник и регулятор экономики;
- государство как поставщик социальных благ.

Здесь проблема состоит в том, возможно ли разделить эти функции с точки зрения сужения или расширения их роли. Более того, можно ли говорить одновременно о расширении одной сферы и сужении другой? Когда и на каких этапах переходного периода эти функции могут быть соединены в символическую противоречивую картину государства? Где, в какое время и среди каких социальных групп

эти функции развернутся? И, наконец, возможно ли рассматривать расширение правоохранительных и социальных функций государства в условиях, когда его идеологическая роль резко снизилась (и это единодушно признается всеми) и когда палицо условия для сохранения различных аспектов влияния государства в экономике?

Фордизм или постфордизм: восточноевропейская дилемма

Дебаты о роли государства, проходившие в 80-е и 90-е годы, имели серьезное влияние и на гораздо более широкие вопросы, такие как суждения, касающиеся характеристик общественного воспроизводства. С учетом сделанной попытки преобразования государства всеобщего благоденствия (когда она вышла из собственных границ и привела к кризису) можно ли рассматривать шаги, предпринятые в 80-е годы, как успех или провал, считать их полезными или вредными? Ответы на подобные вопросы большей частью попадают в рамки вопросов, связанных с общественным воспроизводством. В контексте международных дебатов суть этих вопросов проявляется во взглядах, близких к фордизму и постфордизму. Согласно общепринятой сегодня модели государства всеобщего благоденствия, с 1945 г. до 70-х годов, а в действительности – до 80-х, господствовал особый тип кейнсианского регулирования. Эта система рухнула не просто потому, что деньги перестали поступать или снизились объемы предоставляемых ранее социальных благ, а потому, что эффективность соответствующих методов управления начала в эти годы быстро падать.

Учитывая то, что существовавшее в то время государство всеобщего благоденствия строилось на особом базисе, коллапс был не просто отказом от социальных обещаний или свертыванием некоторых институтов. Истинные проблемы сфокусировались вокруг следующего положения: можно ли создать, по существу, новую структуру государства всеобщего благоденствия в условиях зарождающейся глобальной экономики? Оппоненты такого подхода сформулировали ряд других положений и углубились далее в рассмотрение ответвлений этих положений. С одной стороны, мы можем встретить мнения о том,

что новорожденный способ регулирования национальной экономики, основанной на инновациях, – и институциональная форма организации внутри нее – в основном соответствует развивающемуся новому экономическому порядку. Более того, поскольку система производства и распределения последнего уже считается постфордистской, аналогии с государством всеобщего благоденствия также могут рассматриваться как постфордистские.

В противоположность вышесказанному, при другом подходе – хотя и осознается кризис и тоже воспринимаются новые институциональные решения – сложившаяся ситуация никоим образом не считается постфордистской. При этом подходе, скорее, предполагается, что ответы (которые нужно искать в модели государства всеобщего благоденствия) на вопросы, поднятые в результате всеобщего кризиса фордизма, сами в основном фордистские. Если взять децентрализацию и введение элементов контрактной работы, которые предполагают превращение услуг государственной сети в объекты для покупки и т.д., то критики постфордизма классифицируют данные явления как новые методы в рамках существующей системы. В таком случае, однако, эта новизна является относительной: из более ранних реформ фордистской культуры производства прошлого периода они попытались найти элементы, которые могут быть вынесены на современное поле дискуссии. Таким образом, модель нового развивающегося государства всеобщего благоденствия – какую бы идеологию ни использовали для ее формулирования – может (пока что) считаться фордистской.

В восточноевропейской дискуссии – или, по крайней мере, той ее части, которая стала известна широкой публике, – естественно, не уделялось внимание проблеме фордизма /постфордизма. Различные общественные деятели, чья роль заметна в региональном (т.е. ЦВЕ) кризисе государства всеобщего благоденствия, держатся в стороне от дебатов. Поэтому можно сделать вывод, что снижение объема предоставления социальных благ обусловлено не тем, что они не соответствуют развивающейся модели экономики или изменились роли отдельных стран в международном разделении труда. Это снижение было неизбежно, поскольку:

а) восточноевропейское государство всеобщего благоденствия «родилось преждевремен-

но» (по словам Яноша Корнай (Janos Kornai)). А именно, с этой точки зрения, желанная модель появилась в такой ситуации и в такой социальной среде, когда экономика была (исторически) неспособна эффективно функционировать в рамках данной модели;

б) в программах ухода (отступления) государства все еще отсутствует концептуальная схема их осуществления во времени: преобладают просто ссылки для данного случая (*ad hoc*) на дефицит бюджета или низкую эффективность отдельных служб, т.е. перечисление отдельных проблем, которые выявились в сфере общественной дискуссии.

Следовательно, общественное мнение стран Восточной Европы можно разделить на два типа: «больше или меньше благоденствия» и «более ранние или современные» модели, и оно не «мыслит» другими категориями в отношении этих проблем; проблема регулирования просто не возникает в ходе дискуссий. Однако в социологических исследованиях (и независимо от того, о чем говорилось выше) рассматриваются сегодня более серьезные вопросы. Важнейший, вероятно, среди них состоит в том, что утверждение, по которому позднее социалистическое государство является сильным, недостаточно точное. В соответствии с нашей гипотезой, в границах своего реального действия это государство не может считаться слабым. Но именно по причине слабости, которую мы способны понять, после 1989 г. на большей части постсоциалистического пространства можно было отметить уменьшение дееспособности и эффективности государства, а также сокращение уровня его эффективности. Прекращение (временное?) выполнения функций государства (или их недавнее снижение) во многом может быть объяснено слабостью государства. Это можно сказать обо всех странах Висegradской группы (Visegrad) (предмет эмпирической части данного исследования), но особенно драматично это проявилось в отношении Балкан и постсоветских стран.

Процесс дезинтеграции государства, до определенной степени, следовал исторической модели периода, рассмотренного Максом Вебером (Max Weber). Последний показал, что имперско-патримониальные режимы, безусловно, идут по пути тех феодальных режимов, в которых имперский центр потерял свою способность управления и был все меньше и меньше

ше способен противостоять росту автономии периферии.

Потеря контроля над периферией (будь то в физическом, социальном/структурном смысле или же в плане политическом) стала очень важным фактором коллапса социалистического государства. В большинстве случаев, которые можно рассмотреть, процесс экономической и политической демократизации мог только с очень большими трудностями и в незначительной степени предупредить такое развитие; коллапс государственного контроля в настоящее время продолжится в новой постсоциалистической среде. Похоже, таким образом, что в большинстве случаев реформаторы внесли свой вклад в ситуацию, в которой структурная слабость быстро стала драматически очевидной.

Утверждение относительно сильных постсоциалистических государств, возможно, порождено западной советологией; в публикациях последней определение ленинистского государства как деспотического государства стало преобладающим. Здесь автономия государства по отношению к обществу достигла своего максимума (в особенности в связи с деспотической властью государства, но также в связи с функционированием его и других элементов). Если мы определяем деспотическое государство как «набор действий, которые элита имеет возможность предпринимать без рутин (заведенного порядка), институционализированных переговоров с группами гражданского общества» (Манн, 1986, 113) (Mann), тогда становится ясным, что ленинистское государство было системой, предельно увеличившей свою собственную власть. Модели, подобные описанным Арендтом и Бжезинским (Arendt, Brzezinski), хорошо известны. Во второй половине 50-х годов в критике модели бюрократического государства описание «сильного государства» также являлось определяющим. Государство рассматривалось как «гигантская компания», которая контролировала систему, исполняющую его собственные рациональные инструкции. В 60-е и 70-е годы в исследованиях по культуре государственного социализма, например российского общества, государственная власть рассматривалась как условие и концентрация власти также описывалась как желанный агент в такой структуре (Флерон-Хоффман, 1993, 14) (Fleron-Hoffman). Однако в 80-х годах в про-

фессиональной литературе, сосредоточенной на инфраструктурной деятельности восточноевропейского государства (например, Холл, Айкенберри, 1989, 14) (Hall, Ikenberry), не содержалось столь самоуверенных выводов в этом плане. Внутренняя слабость, незавершенные процессы ведения переговоров и быстро распространяющаяся коррупция, ставшая результатом растущей слабости социалистического государства, появились как объект исследования, возможно, впервые в исследованиях Джоунта (Jowitt) (1983, 1992); позднее работа Сиргаутаса (Cirtautas) (1996) дала эмпирическое подтверждение его аргументации на примере Польши.

Если мы примем гипотезу о слабом государстве, тогда вопросы, касающиеся фордистского или постфордистского государства всеобщего благоденствия, могут проявиться в новом свете. Первое, что мы можем спросить: насколько кейнсианской являлась модель восточноевропейского государства всеобщего благоденствия? Много ли истинного в корпоративных элементах модели и в политической системе того времени, до какой степени модель была фасадом, который играл решающую роль по отношению к символическим профессиональным и общественным организациям?

Стратегия сокращения бюджетного дефицита в Восточной Европе появилась в то время, когда казалось, что новый порядок является законным или, по меньшей мере, выглядит более законным, чем предыдущий. Однако при беглом взгляде на нынешнюю ситуацию можно заметить, что последнее предположение полностью неверно. В ряде стран имеются идентичные вопросы, суть которых в той или иной степени заключается в том, какого рода новые стратегии благоденствия способны сформулировать новые легитимные системы. На основе данных по странам Восточной Европы в начале 90-х годов, в условиях оппозиции урокам тэтчеровских реформ, всесторонняя критика обрушилась также на консервативную сторону в самой Восточной Европе.

Государство всеобщего благоденствия (по крайней мере, в его первичной формулировке) возникло как инструмент, который следует применять против социальной нестабильности. Вопрос в том, каким образом эти первоначальные реформы социальной политики

могут быть сконструированы по отношению к странам ЦВЕ? Присутствует ли так или иначе этот элемент стабилизации в новых концепциях реформы? Из этих свободно трансформируемых инструментов государство в настоящее время отдает предпочтение прежде всего тем, с которыми могут быть связаны определенные социальные обязательства, или тем, которые, вероятно, обладают только символической ценностью (но важны с точки зрения предупреждения возможного социального взрыва). До сих пор, похоже, такие взгляды не проявлялись в восточноевропейских концепциях социальной политики; может быть, это происходило потому, что за те годы, которые прошли после 1989 г., никто не был явно обеспокоен неконтролируемыми социальными процессами. Однако автор хотел бы предложить здесь теоретическую схему. В ней отражены такие пакеты социальных мероприятий, которые одновременно могут быть цементирующим материалом и символическим «огнетушителем» социальных взрывов, а также такие пакеты мероприятий, которые не обладают этими качествами. Таким образом, эта маленькая матрица базируется на четырех основных вариантах:

		Цементирующий материал	
		Да	Нет
Взрыв	Да	(I)	(II)
	Нет	(III)	(IV)
Огнетушитель			

Эмпирические «рынки».
Восточноевропейское представление о государстве всеобщего благоденствия

Несмотря на то, что этатизм нельзя свести к функционированию социальной сферы, в эмпирических исследованиях восточноевропейских конфигураций (более того, возможно, самые волнующие вопросы – это именно те, где речь идет о связях между социальными и экономическими ролями) мы ограничены эмпирическими наблюдениями государства всеобщего благоденствия.

Наши данные взяты из исследований, проведенных в 1995 г. под руководством Жужи Ферге (Zsuzsa Ferge) и профинансированных

венским Институтом человековедения (Institut für Humanwissenschaften). Проектом SoCo изучалось общественное мнение о социальной политике в странах Висшеградской группы и бывшей ГДР. (В используемой анкете два вопроса были предложены П.Тамашем. См. примечание в конце статьи. – *Ред.*)

В процессе рассмотрения различных областей социальной сферы мы сделали попытку выделить ключевые сектора государства всеобщего благоденствия и те области, в которых социальные услуги являются в основном определяющими для отдельных групп или социальных слоев (таким образом, отводя этим областям, что не совсем точно, вторичную роль).

К основным услугам мы отнесли следующие: здравоохранение; затраты, связанные с воспитанием маленьких детей; система пенсионного обеспечения и гарантирования занятости. Вторичными услугами мы считаем среднее и высшее образование; затраты на социальные программы, а также связанные с этим некоторые виды деятельности. В соответствии с нашей гипотезой, как и в Западной Европе, в рассматриваемых странах мы предположили отсутствие каких-либо серьезных сомнений относительно необходимости осуществления основных функций государства всеобщего благоденствия; мы предположили также, и это вполне понятно, что групповые интересы и идеологии следует назвать «вторичными», как и те услуги, которые весьма характерны для определенных групп.

Различие в первом и более полном блоке заключается в следующем: в то время как в странах Западной Европы общественное мнение в основном объединено вокруг ключевых действующих лиц государства, а также возможностей государства всеобщего благоденствия (поскольку после 15 лет дебатов о различных альтернативах, общественное мнение, похоже, склоняется в пользу государства всеобщего благоденствия), в Восточной Европе общественное мнение по этим вопросам является весьма разобщенным и даже критическим. Каас (Kaase) (1996), ссылаясь на данные ЕС, высказал предположение, что в ключевых секторах деятельности государства свыше 90% населения большинства стран-членов ЕС поддерживают государство всеобщего благоденствия.

В постсоциалистической Европе только бывшая ГДР соответствует результатам, полученным по странам ЕС; что касается других восточноевропейских государств, то их позиция существенно более антигосударственная. Возможно ли с помощью имеющегося массива данных, собранных для указанного исследования, объяснить, почему здесь наблюдается больше скептицизма по отношению к государству всеобщего благоденствия и откуда он исходит? Разве жители восточноевропейских стран не имели подлинного личного опыта в части эффективности функционирования государственных систем? Проявился ли «антиэтатизм» через те сферы, которые в Западной Европе непосредственно освобождены от идеологии? Все это, особенно в первые годы переходного периода, – практически и исключительно результаты «западных моделей», т.е. моделей социальной политики Всемирного банка и англо-саксонских моделей. Было ли все внимание до сих пор сосредоточено на этом, или восточноевропейская интеллигенция в 80-е годы подпала под «мессианское обаяние рынка», и поможет ли все это объяснить полученные данные?

На базе наших данных мы смогли разделить степень поддержки государства всеобщего благоденствия в рассматриваемых странах на три группы. В первую группу входит бывшая ГДР, во вторую – Чешская Республика и Польша, в третью – Венгрия и Словакия. Восточная Германия в основном следует модели, найденной для Германии в целом и, фактически, для Западной Европы. В глазах ее общественного мнения государство всеобщего благоденствия недвусмысленно представляет собой весьма привлекательную систему; его популярность в основном следует структуре «западного» общественного мнения. Не отмечается каких-либо существенных различий между соответствующим мнением всей выборки в целом и мнением интеллигенции Восточной Германии. Следует подчеркнуть, что это следование западной модели не происходит ввиду подчеркнутой зависимости от государства всеобщего благоденствия. В западногерманской прессе часто можно встретить жалобы на то, что население бывшей ГДР является излишне зависимым от государства и еще более зависимым от получения (или желая

получить) поддержки со стороны государства всеобщего благоденствия. Наши данные можно сравнить с последними результатами, полученными Каасом и Запфом (Kaase, 1996; Zapf, 1995), которые не показывают никакой «восточной» диспропорции на территории Германии, во всяком случае, общественное мнение этого не отражает.

Исследование показало, что настроения в Чешской Республике и Польше отличаются от мнения западноевропейского типа. Именно в этих странах наблюдается наиболее ярко выраженное неприятие деятельности государства всеобщего благоденствия (т.е. подчеркивались ненужность и избыточность некоторых из его функций). Из 10 рассмотренных сфер деятельности в Чешской Республике только шесть пользовались поддержкой от половины до двух третей опрошенных. По существу, лишь четыре вида функций требуют, по мнению чехов, серьезного участия государства всеобщего благоденствия. Соответствующая цифра в Польше равнялась шести. Наиболее характерный элемент данного типа настроений, однако, заключался не в этом, а в заметном отличии мнения профессионалов от точки зрения выборки в целом.

Если в Германии, кроме одного показателя, не отмечалось каких-либо существенных различий между профессионалами и остальными людьми, то при проведении опроса в Польше и Чешской Республике наблюдался довольно яркий контраст. В этих странах класс профессионалов продемонстрировал явную антипатию по отношению к государству всеобщего благоденствия (по сравнению со всей выборкой в целом). Что касается чешских профессионалов, то из десяти показателей только три получили больше 80% поддержки. В целом, примеры Венгрии и Словакии были намного ближе к данным по Чешской Республике и Польше, чем к бывшей ГДР. Однако различие между общим мнением населения и точкой зрения профессионалов значительно меньше (табл. 1 и 2).

Общественное мнение полагает, что последователи левых партий являются «государственниками», т.е. поддерживают вмешательство государства. Сторонники правых партий надеются (по крайней мере, в регионе) на безоговорочное следование рыночному механиз-

му и на снижение роли государства. В отдельных эмпирических исследованиях более раннего периода уже отмечалось, что картина в некоторых странах более сложная; культурные формы отдельных обществ и традиционное представление о государстве подчеркивают предполагаемую политическую полярность.

В более ранних исследованиях, посвященных Германии (Запф, 1995) (Zapf), уже указывалось, что на общественное мнение этой страны в отношении роли государства не повлияли симпатии к политическим партиям; таким образом, интересным выглядит обширный лагерь правых, выступающих в поддержку роли государства.

Наши данные (табл. 3) также доказывают важность культурной специфики в этой области. Типология стран применима и в этом случае. В бывшей ГДР не наблюдается никакой разницы между различными частями политического спектра; поддержка государства почти одинаково отмечается в различных политических группах. Однако в Чехии поляризация между левыми и правыми в этом вопросе очень заметна. Здесь действительно левые гораздо более явно и недвусмысленно поддерживают государство (особенно в отношении гарантий занятости, поддержки системы здравоохранения, обеспечения затрат на социальную помощь и поддержку пенсионной системы).

Таблица 1

Социальная поддержка секторов государства всеобщего благоденствия
(средние величины масштаба после преобразований страны к 0-100)

Страна	Выборка	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Среднее
Чешская Республика	А	87	57	88	67	51	54	88	67	71	93	72
	В	76	46	90	71	50	46	80	56	58	90	66
Германия	А	90	66	87	85	80	70	93	56	89	89	81
	В	87	62	89	87	81	69	91	55	82	88	79
Венгрия	А	85	64	83	79	76	67	91	80	87	86	80
	В	82	60	85	78	73	63	89	76	75	86	77
Польша	А	84	59	92	81	67	45	90	63	84	92	76
	В	72	53	90	72	57	35	79	43	64	89	65
Словакия	А	90	64	88	72	57	58	92	76	84	91	77
	В	82	61	91	72	55	53	89	69	79	91	74

А – национальная выборка
Б – выборка среди профессионалов

Таблица 2

Интеллигенция и государство всеобщего благоденствия. Структура предпочтений

Страна	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего, в среднем
Чешская Республика	--	--	+	+	-	--	--	--	--	-	--
Словакия	--	-	+	0	-	--	-	--	--	0	-
Венгрия	--	+	-	-	-	-	-	-	--	0	-
Польша	--	--	-	--	--	--	--	--	--	-	--
Германия	-	-	+	+	+	-	-	-	--	-	-

Поддержка: + профессионалы, более 5 пунктов
++ профессионалы, более 10 пунктов
- профессионалы, менее 5 пунктов
-- профессионалы, менее 10 пунктов
0 среднее по выборке

**Восприятие секторов государства всеобщего благоденствия
правыми/левыми политическими сторонниками**

Страна	Сторонник	Здраво- охранение	Высшее об- разование	Социальная помощь	Достойные пенсии	Наличие работы	В среднем по 10 секто- рам
Чешская Республика	L	92	57	58	91	80	77
	M	88	51	55	88	74	73
	R	82	47	49	84	63	68
Словакия	L	90	62	60	93	86	79
	M	90	56	58	93	85	78
	R	87	51	56	89	80	74
Венгрия	L	84	72	62	90	83	77
	M	86	77	69	91	88	81
	R	83	75	66	87	81	78
Польша	L	86	68	44	92	88	76
	M	82	66	47	88	82	75
	R	82	62	42	86	74	72
Германия	L	92	81	70	94	88	81
	M	90	80	70	93	89	81
	R	90	82	67	92	89	81

L - левый, M - центрист, R - правый

Политическое разделение в Польше сходно с тем, которое наблюдается в Венгрии и Словакии. В Словакии и Польше почти во всех отношениях левые выглядят несколько сильнее в своей поддержке государства, чем другие политические группы; однако различия эти в действительности незначительны. В Венгрии картина сбалансированна, однако партии, поддерживающие государство всеобщего благоденствия, относятся к политическому центру (почти во всех отношениях правые и левые одинаково сильно поддерживают государство всеобщего благоденствия). Наши данные вновь подтверждают, что люди с низким доходом больше зависят от государства всеобщего благоденствия, чем те, чей доход выше. Эта банальность (табл. 4), самое большее, накладывает отпечаток на различия, существующие во мнениях групп с наиболее крайними взглядами, по отношению к давлению политических традиций.

При сравнении наиболее высоких и наиболее низких квинтилей мы видим, что более чем в 10 исследованных областях различия в

Восточной Германии, Венгрии и Словакии в основном охватывают 5 пунктов; в Польше и Чешской Республике эти цифры составляют соответственно 9 и 8. В Чешской Республике различия более значительные в отношении суждений, касающихся функционирования системы здравоохранения (12 пунктов), гарантирования занятости (16 пунктов) и регулирования затрат на социальную помощь (14 пунктов). В Польше наибольшие различия связаны с гарантированием занятости (14 пунктов) и государственной поддержкой системы высшего образования (14 пунктов). В Венгрии и Словакии различия одинаково велики в отношении гарантирования занятости. Кроме того, везде собраны мнения о тех сферах, которые выходят за пределы сравнительно традиционного ядра государства всеобщего благоденствия.

В наиболее сбалансированном примере Венгрии явные различия мнений двух экстремальных групп наблюдаются в связи с регулированием социальной помощи и гарантированием занятости. Квинтиль более низких доходов также рассматривает эти две сферы как

**Восприятие секторов государства всеобщего благоденствия
в зависимости от распределения дохода**

Страна	Квинтиль	Здраво- охранение	Высшее об- разование	Социальная помощь	Достойные пенсии	Наличие работы	В среднем по 10 секто- рам
Чешская Республика	L	90	53	62	91	78	76
	H	82	47	49	82	62	68
Словакия	L	91	58	65	95	90	79
	H	87	53	52	89	77	74
Венгрия	L	87	76	69	92	93	81
	H	83	69	63	87	77	76
Польша	L	87	72	55	89	89	79
	H	80	58	36	86	75	70
Германия (Восточная)	L	92	79	79	93	91	83
	H	89	81	64	92	84	78

L – квинтили с самым низким доходом

H – квинтили с самым высоким доходом

часть государства всеобщего благоденствия и поддерживает другие функции, схожие по своему назначению; однако в группах с квинтилем более высоких доходов социальная помощь в меньшей степени рассматривалась как задача государства всеобщего благоденствия по сравнению с другими факторами; среднюю поддержку также получила только задача о гарантировании занятости.

В вышеперечисленных группах стран мы возвращаемся к тем группам различных благотворительных организаций, которые являются альтернативой государству. В целом, мы можем заметить (в табл. 5), что из групп организаций, предложенных на выбор (государство, центры социальной помощи, помощь по месту работы, местная администрация, профсоюзы, благотворительные организации, церковь, группы самопомощи, сети меньшинств и политические партии), очень часто предпочтение отдается государству. В любом случае, почти везде государство упоминалось в числе трех наиболее важных органов. В Чешской Республике, Словакии и Восточной Германии при ответе на вопрос, к кому обратиться за помощью, большинство опрошенных на первое место поставило государство. В Польше в этом случае первое место отводилось центрам социальной службы, тогда как в Венгрии – мест-

ным властям. Нужно отметить, что данные центры и местные органы власти также оперируют средствами из государственных источников. Фактически, их можно рассматривать как часть государства.

Таким образом, несмотря на дебаты, имевшие место в последние годы, и несмотря на сравнительное отстранение (или планируемое отстранение) государства из некоторых сфер, весь опыт в этом плане говорит о следующем: роль государства в снятии напряженности в обществе и предоставлении специальных благ в кризисные времена остается нерушимой. По сравнению с другими важными субъектами социальной политики, т.е. помощи по месту работы, профсоюзами, благотворительными и религиозными организациями, государство сохраняет свои позиции, тогда как другие явно отстают.

Государство, рассматриваемое в качестве «помощника» в ряду других организаций, является наиболее редко исключаемым органом (табл. 6). Только в Польше на помощь по месту работы и групп самопомощи надеются несколько больше, чем на государство. Особенно заметна в регионе высокая степень неприятия церковных организаций. Учитывая общеизвестную местную политическую культуру, вполне понятно, почему люди меньше склонны об-

**В какое учреждение люди предпочли бы обратиться за помощью
и в какое они не стали бы обращаться совсем**
(Расположение учреждений внутри страны по % домашних хозяйств)

Страна	Госу- дарст- во	Центры соци- альной службы	Помощь по месту работы	Местные власти	Проф- союзы	Благо- твори- тельные органи- зации	Цер- ковь	Группы самопо- мощи	Мень- шин- ства	Полити- ческие партии
Обратятся										
Чешская Республика	1	2	3	5	4	6	7	8	9	10
Польша	3	1	2	4	5	6	7	8	9	10
Венгрия	4	3	2	1	6	5	7	8	9	10
Словакия	1	2	3	4	5	7	6	8	9	10
Всего	2	1	3	4	5	6	7	8	9	10
Не станут обращаться										
Чешская Республика	10	9	8	4	6	5	2	7	3	1
Польша	8	7	10	3*4	5	6	2	9	3*4	1
Венгрия	10	9	8	5*6	3	4	2	7	5*6	1
Германия	10	9	8	4*5*6	3	4*5*6	2	7	4*5*6	1
Словакия	10	9	8	4*5	7	3	2	6	4*5	1
Всего	10	9	8	3*4	6	5	2	7	3*4	1

Источник. Отчет 8 SoCo. С.277.

ращаться за помощью к новым политическим партиям, однако не совсем ясно то, почему церковь находится на втором месте среди тех, к кому не станут обращаться в случае необходимости во всех пяти странах. Низкий показатель политических партий недвусмысленно свидетельствует об укреплении нового партийного имиджа. В то время как в условиях партийного государства сама партия (особенно ее местные структуры) выполняла важные функции социальной защиты, похоже, что новые партии с успехом радикально изменили свои позиции, отмежевавшись от прежней «однопартийности» в своих соответствующих функциях. В любом случае, распространилось устойчивое мнение, что они могут предложить немного. Церковь, однако, в ряде мест создала и реконструировала новые важные возможности для оказания социальной поддержки. До сих пор, возможно, именно по причине проповеднической деятельности церкви неверующим трудно было ее принять. Если мы рас-

смотрим баланс положительных и отрицательных позиций различных организаций, то увидим, что наиболее благоприятное соотношение сложилось в Германии; ко второй группе можно отнести Чешскую Республику и Словакию. В Польше и Венгрии мнения разделились, и помимо положительных установок существует почти столь же значительная группа, исключаящая обращение к государству.

Во всех пяти странах те, кто выбрал государство, больше похожи друг на друга, чем в национальных выборах. В Чешской Республике те, кто окончил среднюю школу или получил высшее образование, были представлены очень незначительно. В Польше выпускники высших учебных заведений и те, кто получил начальное образование, были размещены в классификации лишь чуть выше среднего показателя. В Венгрии высококвалифицированные рабочие, выпускники средних школ и высших учебных заведений, готовые в первую очередь обратиться за помо-

**Учреждения, выбранные для помощи. Баланс ссылок
(положительные/отрицательные)**

Учреждение	Ответ	Чешская Республика	Польша	Венгрия	Германия	Словакия	Всего
Государственные учреждения	N	10,8	24,4	19,7	3,9	18,4	15,2
	I	50,0	31,7	19,6	70,2	56,5	46,0
Социальные службы	N	19,2	26,3	37,0	12,5	19,5	22,7
	I	42,1	54,3	25,3	59,9	49,0	46,5
Церкви	N	57,4	57,3	62,3	54,0	52,4	56,3
	I	8,4	18,8	9,5	9,9	15,5	12,4
Благотворительные учреждения	N	34,7	31,7	44,7	30,6	39,5	36,1
	I	11,7	19,1	11,5	12,0	14,7	13,8
Помощь по месту работы	N	22,4	19,4	37,3	25,8	22,7	25,5
	I	31,8	40,4	28,0	12,8	38,2	29,9
Местные власти	N	16,1	25,9	39,1	21,9	26,0	25,7
	I	55,8	37,7	44,2	30,5	32,5	39,9
Собственные группы меньшинств	N	18,5	18,3	36,1	17,9	19,9	22,0
	I	3,2	2,0	2,0	0,7	5,9	2,7
Группы самопомощи	N	26,3	21,2	42,9	26,3	28,4	28,9
	I	3,6	8,4	6,4	8,6	6,7	6,8
Политические партии	N	68,4	67,4	82,3	62,8	73,3	70,6
	I	0,8	1,5	1,0	1,4	1,8	1,3
В среднем	N	30,7	32,8	53,6	32,2	27,4	35,2
	I	17,5	21,0	10,7	6,7	22,2	15,5

N – не будут обращаться
I – будут обращаться

шью к государству, встречаются чуть чаще, чем в среднем числе случаев. В Словакии наблюдается то же самое среди тех, кто получил начальное образование, а выпускники высших учебных заведений вновь размещаются несколько выше средних показателей тех, кто выбрал государство (табл. 7).

Что касается политических взглядов рассмотренных подгрупп (табл. 8) в Словакии и Германии, доля левых оказалась несколько выше средней циф-

ры; в Польше и Венгрии – чуть ниже; в Чешской Республике больше людей, придерживающихся правых взглядов, в первую очередь обратились бы к государству в поисках помощи. В подгруппах бедных и богатых средние циф-

Таблица 7

**Подвыборка «государство как первый помощник»
по уровню образования**

Уровень образования	Чешская Республика	Польша	Венгрия	Германия	Словакия
Меньше восьми	22,2	32,4	15,7	67,4	42,9
Восемь классов	47,1	32,4	16,7	73,6	61,7
Производственное обучение	48,5	29,7	22,1	70,8	59,7
Средняя школа	52,8	31,1	20,2	65,7	52,1
Высшее образование	54,0	36,9	22,7	76,0	54,9
ВСЕГО	49,9	31,7	19,6	70,4	56,6

ры по Словакии и Чешской Республике были практически одинаковыми; в Германии бедняки и люди со средним доходом выбирают государство; в Польше, однако, богатые располагались в классификации выше средних показателей в этом плане. Если мы рассмотрим динамику благоденствия (благотворительности) в выборке (табл. 10), тогда в Словакии, Чешской Республике и Венгрии позиции государства заметно улучшатся, поскольку те, кто выбрал государство, приближаются к средней цифре по всей выборке; в Германии средний показатель почти достигнут, тогда как в Польше он значительно ниже, чем в среднем по выборке.

* * *

1. Исходя из имеющегося материала, мы лишь с очень большими оговорками можем допустить существование связей между узко понимаемой ролью государства всеобщего благоденствия и экономикой государства, а также представленными в работе функциями в других областях. Однако в настоящее время стало очевидным, что те социальные функции, на которые приходится сравнительно низкий уровень поддержки, связаны с функционированием экономики (например, регулирование рынка труда, жизненного уровня); в других

областях государство всеобщего благоденствия остается источником поддержки.

2. В политических традициях отдельных стран обобщать преобладающие темы дискуссий в средствах массовой информации, и этот источник показывает, что политические различия или разница в доходах достаточно глубоки. По мнению же автора, различия между левыми и правыми – точнее, между богатыми и бедными – почти во всех странах, как и предполагалось, невелики. Очень важно отметить, что в отдельно рассматриваемых странах «богатые» в большей степени обращаются к государству всеобщего благоденствия, а левые не везде являются государственно ориентирован-

Таблица 8

Подвыборка «государство как первый помощник» по политическим предпочтениям

Политическое предпочтение	Чешская Республика	Польша	Венгрия	Германия	Словакия
Левые	48,1	31,1	19,2	72,0	64,7
Центристы (средние)	50,8	34,8	21,2	72,3	58,7
Правые	54,7	30,0	16,7	74,4	52,4
ВСЕГО	50,0	31,7	19,6	70,2	56,5

Таблица 9

Подвыборка «государство как первый помощник» по принципу «богатство – бедность»

Группа	Чешская Республика	Польша	Венгрия	Германия	Словакия
Бедные	50,4	31,6	19,1	75,0	57,7
Средние	49,7	29,7	20,1	71,4	55,4
Богатые	49,1	40,4	23,7	57,4	53,3
ВСЕГО	50,0	31,6	19,6	70,2	56,5

Таблица 10

Подвыборка «государство как первый помощник» по динамике респондентов о социальной помощи

Динамика респондентов	Чешская Республика	Польша	Венгрия	Германия	Словакия
Сильное снижение	51,5	35,5	18,8	72,1	60,3
Незначительное увеличение	55,6	28,6	21,1	73,0	87,4
Без изменений	47,9	32,2	18,5	68,7	55,0
Незначительное увеличение	48,0	21,7	20,0	63,8	55,0
ВСЕГО	50,1	31,6	19,6	70,0	56,5
Не обращались	976	1027	971	1098	985

ной политической силой в осуществлении помощи.

3. В последние годы (возможно, в основном с 1989 г.) возросла роль политических пакетов обследований. Они доказали, что первичные агенты опроса – например, чешская и польская интеллигенция – гораздо резче настроены против государства всеобщего благоденствия, чем любая другая группа, охваченная обследованием. Хотя Восточная Германия приняла западноевропейскую модель государства всеобщего благоденствия (что подтверждается общественным мнением и несмотря на все дебаты), однако очень большие группы в этой части страны с этим не согласны. В Чешской Республике и в Польше ситуация иная. Похоже, что начиная с 1989 г. англо-саксонская, или классическая либеральная, модель в данных странах была значительно популярнее и интеллигалы гораздо более критически относились к государству всеобщего благоденствия.

Позиция интеллигалции в этих странах в какой-то степени (в среднем) сравнима с данными по Западной Европе. Взгляды в Венгрии и Словакии лишь отчасти могут рассматриваться с точки зрения этой модели.

Примечание. Первый вопрос затрагивает отношение к присутствию государства в десяти социальных сферах; второй вопрос позволяет выяснить, к каким социальным действующим лицам (например, государство, местные органы власти, профсоюзы, церковь, гражданские объединения и т.д.) обратится индивидум в случае той или иной необходимости, социальной проблемы или затруднений. Было предложено изложить в письменной форме, в каком порядке предпочтительно идти в перечисленные организации. По 1000 опрошенных в Венгрии, Чешской Республике, Словакии и на «новой восточногерманской территории» были опрошены как выразители мнения нации.

